

ОДИНОЧЕСТВО ПСИХОАНАЛИТИКА

И. М. КАДЫРОВ

Данная статья посвящена обсуждению темы одиночества психоаналитика, а также других связанных с этим состоянием чувств и тревог, с которыми сталкивается психоаналитик в своем профессиональном жизненном цикле, особенно работая с труднодоступными пациентами, пережившими в своей ранней истории острое, нередко катастрофическое чувство потери. Статья построена вокруг изложения и обсуждения доклада британского психоаналитика Роджера Кеннеди и содоклада И. М. Кадырова, которые были сделаны на конференции Европейской психоаналитической федерации «Тревога и метод психоанализа» в Копенгагене (апрель 2011). В статье кроме основной темы — виды одиночества и их последствия для профессиональной идентичности, обсуждаются такие понятия как идентичность и «психический дом» психоаналитика, а также исследуется связь последних с понятиями «психическое пространство», «внутренний сеттинг» и психоаналитический процесс.

Ключевые слова: одиночество, уединение, одиночество аналитика, ранняя катастрофическая потеря, идентичность аналитика, психический дом, сеттинг, внутренний сеттинг, психическое пространство, психоаналитический процесс.

Введение в тему

Стимулами для данной публикации послужили два обстоятельства. Во-первых, это — 20-летний юбилей журнала «Консультативная психология и психотерапия» (с 1992 по 2009 — Московский психотерапевтический журнал). Событие и сам возраст этого замечательного издания приглашает к рефлексии и над своей профессией (в моем случае это психоанализ), и над некоторыми особенностями профессионального функционирования, которые с годами с неизбежностью откладывают отпечаток на многие сферы жизни человека, избравшего эту профессию. Разумеется, это верно не только в отношении психоаналитиков, но и психотерапевтов любой ориентации. Однако, профессия и работа психоаналитика имеют свою специфику, некоторые аспекты которой и будут исследованы в этой статье. Надеюсь, что это

исследование будет интересно и за рамками профессионального психоаналитического цеха.

Вторым, а хронологически — первым, обстоятельством, заставившим меня задуматься над данной темой, стало приглашение выступить на одной из панелей конференции Европейской психоаналитической федерации «Тревога и метод психоанализа», недавно проходившей в Копенгагене — родине Сёрена Кьеркегора, автора «Страха и трепета» и создателя оригинальной философской концепции тревоги. Как известно, Кьеркегор отличал тревогу от страха и рассматривал ее в качестве источника человеческого «я» и основы самого существования человека. Однако организаторов конференции в первую очередь интересовала не столько философская теория тревоги, и даже не само по себе психоаналитическое учение о тревоге как основе тех состояний, проблем или расстройств, которые заставляют пациентов искать психоаналитической или психотерапевтической помощи.

Фокус конференции был сосредоточен на понимании тревоги и других сопутствующих состояний, с которыми сталкивается сам психоаналитик — сталкивается в своем кабинете, когда применяет психоаналитический метод, или когда он проходит свое обучение или только-только приступает к психоаналитической практике. Или когда он, будучи уже опытным психоаналитиком, встречается со сложными жизненными или клиническими проблемами своих пациентов, а также — с окружающими его практикой и профессией в целом — сложным социально-экономическим или политическим контекстом. Панель, в которой меня пригласили участвовать, называлась «Одиночество психоаналитика». Докладчиком на ней был известный британский психоаналитик, паст-президент Британского психоаналитического общества Роджер Кеннеди. Моя задача была выступить основным дискуссионным докладчиком по этому докладу и по теме в целом.

Роджер Кеннеди — автор книг «Ускользающий человеческий субъект» (1997) и «Голоса психоанализа» (2007), а также — многих статей, он является одним из ведущих современных представителей независимой традиции в британском психоанализе. Мой же взгляд — скорее, отражает кляйнианский и посткляйнианский подход. В настоящей статье, опираясь на основные тезисы и клиническую иллюстрацию Роджера Кеннеди, подхватывая и развивая одни его идеи и ставя под вопрос другие, я попытаюсь выразить также собственные соображения на эту тему. Но сначала я кратко изложу основные тезисы доклада Роджера Кеннеди, логически и тематически организовав их в отдельные, но взаимосвязанные рубрики. Внутри каждой из этих рубрик я постараюсь сохра-

нить голос, стиль и основное содержание рассуждений Роджера Кеннеди, иногда снабжая их своими короткими комментариями. Во второй части статьи будет предложено развернутое обсуждение этого доклада и темы «Одиночество психоаналитика».

Аналитический сеттинг и «психоаналитический образ жизни»

Психоаналитическая встреча несет в себе потенциал для переживания мощнейших, глубоко спрятанных или подавленных чувств, вовлекающих как пациента, так и аналитика. Нередко она становится источником креативности и ведет к важным внутренним преобразованиям и изменениям в жизни пациента, иногда помогает спасти саму эту жизнь. В то же время она бросает обоим ее участникам серьезный вызов, ставя их с труднопереносимыми состояниями и переживаниями, с которыми тем не менее приходится иметь дело в течение длительного времени. Как отмечает Кеннеди, одним из наиболее трудных для аналитика вопросов является вопрос о том, «как придти в согласие с психоаналитическим образом жизни» [Kennedy, 2011, p. 1]. Психоаналитический образ жизни накладывает на аналитика определенные ограничения, поскольку он должен переносить долгие периоды изоляции, которая оказывается необходимой, чтобы внутренняя жизнь пациента смогла получить особым образом сфокусированное внимание. Это возможно только в пространстве или сеттинге, защищенном от вторжений извне. Хотя такая защищенность необходима для развития переноса, налагаемые на психоаналитиков повышенные ограничения сказываются на их собственном самоощущении и благополучии. Кроме того, подчеркивает Кеннеди, психоаналитик обладает лишь ограниченной защищенностью от различного рода «внутренних» вторжений, влияющих на его собственное психическое равновесие.

Аналитик не может выйти «невредимым» из аналитических встреч. Эта цена, которую он платит за то, что делает свою аналитическую работу. Необходимость выдерживать и понимать проекции и тревогу, слушать, когда есть соблазн высказаться самому, сохранять аналитическую позицию в самых трудных клинических ситуациях, защищать психоанализ и психоаналитическое мышление, поддерживать интерес к бессознательной психической жизни, когда многие избегают этого. Все это бросает вызов аналитической идентичности, столь ценной для представителей этой профессии и с таким большим трудом заработанной ими. Кроме того — аналитики имеют дело с весьма заряженными воспоминаниями и мощными переживаниями, полученными в процессе слушания пациентов. Однако они должны хранить при себе эти интимные

воспоминания и переживания, преодолевая желание поделиться этим с кем-то еще.

Кеннеди подчеркивает, что аналитики должны обладать способностью «быть в одиночестве» [Winnicott, 1958], но в совершенно определенных обстоятельствах. Аналитик должен приобрести хорошо развитое чувство уединенности, что предполагает способность прорабатывать тревогу потери объекта и сепарации, необходимую для «приручения» тревог, связанных с уединением [Кинодо, 2008]. Но это не отменяет реальности той внутренней борьбы, с которой имеет дело аналитик, когда он должен справляться с острым чувством уединенности, которое сопровождает его аналитическую работу. Состояния уединенности (*solitude*) и одиночества (*loneliness*) имеют несколько отличающиеся смысловые значения, однако, с точки зрения Кеннеди, они часто связаны и в контексте его подхода не стоит преувеличивать имеющиеся между ними различия.

Уединенность — неизбежный компаньон психоаналитического сессинга, где пациент на кушетке, его лицо не обращено к лицу аналитика. Она также сопровождает аналитика, когда тот борется, чтобы сформулировать интерпретацию. Особенно когда он, еще не будучи вполне готовым, испытывает давление со стороны пациента как можно быстрее найти смысл в его конфликте или проблеме. Моменты полноценного контакта с пациентом могут нести удовлетворение обеим сторонам. Но существует множество промежуточных состояний, периодов молчания, неопределенности, отчаяния и интенсивных моментов одиночества, с которыми нужно справляться, особенно в случае работы с более тяжелыми пациентами. Аналитик может интерпретировать слишком много, чтобы защитить себя от чувства одиночества. Слушать молча, дожидаясь, когда у него созреет интерпретация и наступит для нее подходящий момент, может показаться ему чем-то слишком трудным и непереносимым.

Хотя в известном смысле одиночество и его последствия являются «общечеловеческим» уделом, аналитик должен справляться с одиночеством особого рода, с одиночеством, которое связано с его аналитической функцией и особой природой аналитических отношений. Аналитический сессинг, в котором аналитик сидит вне поля зрения пациента, ограничивает обмен привычными знаками социального обмена, свойственные встречам лицом к лицу. Уже само это обстоятельство, с точки зрения Кеннеди, подразумевает, что аналитические отношения не являются «объектными отношениями в привычном смысле» [Kennedy, p. 1]. С одной стороны, аналитик должен «удерживать» пациента в своей психике, не имея при этом возможности выражать свои чувства к пациенту

в свободной форме. С другой стороны, аналитик, в силу своей особой позиции, которая была бы неприемлемой для нормальных социальных отношений, становится для пациента также энигматичной или фрустрирующей фигурой.

С аналитиком, который не может стать непосредственным объектом, доступным для отношений, аналитический сеттинг (главным образом через контакт с бессознательным обоих участников) приводит в действие сложный поиск того, что Кеннеди называет «человеческим субъектом». Он описывает человеческого субъекта [Kennedy, 1998] как нечто ускользающее по своей природе, появляющееся и исчезающее при любой попытке ухватить или зафиксировать человеческую субъективность. «Можно попробовать «ухватить» человеческий субъект в аналитической встрече, — пишет Кеннеди, — однако при этом исчезает что-то витальное. Это появление и исчезновение и определяет человеческую субъективность» [Kennedy, 2011, p. 2]. Но это также означает, что быть аналитиком, функция которого состоит в том, чтобы помочь пациенту «стать субъектом», является трудным, парадоксальным и очень требовательным делом. Иногда — делом «невозможным». Ему необходимо справляться с большой неопределенностью, парадоксальностью и запутанностью, а также с периодами, когда стоит задача выдерживать агрессию, проекции и сильную тягу пациента к чему-то большему, чем аналитические отношения. Один из главных моментов, который подчеркивает Кеннеди, состоит в том, что способность справляться с этими задачами и вызовами опирается на постепенное развитие аналитической идентичности. Надежная «укорененность» аналитика в собственной профессиональной идентичности смягчает травму, причиняемую необходимыми и неизбежными периодами одиночества при проведении анализа.

Идентичность аналитика и понятие психического дома

Психоаналитическая идентичность приобретает с годами в процессе постепенного развития, как результат интенсивного, глубокого и разнообразного опыта аналитического «выслушивания» пациентов в течение нескольких лет. Это развитие аналитика, как замечает Кеннеди, требует чего-то вроде «духовного» роста, чего-то, что с нарастающей силой продвигается глубже и глубже внутрь и ведет к глубинной внутренней трансформации [Parsons, 2006]. Адекватный аналитический тренинг и личный анализ, конечно, являются фундаментом развития аналитической идентичности. Также как и возложенное на себя обязательство в достаточном объеме заниматься аналитической работой, что в со-

временных экономических условиях совсем не просто для молодых аналитиков. Кеннеди, правда, замечает, что аргументация экономического порядка не является достаточно веской причиной для отказа от развития аналитической практики. С его точки зрения, страх работать в одиночестве, часто (особенно на начальных этапах практики) с тяжелыми пациентами, скорее бывает мотивирован неготовностью или нежеланием нагружать себя весьма трудной аналитической работой. Разумеется, существуют и институциональные факторы, мешающие развитию аналитической идентичности. Например, когда институт требует от будущего или начинающего аналитика конформизма, или когда функционирование института слишком дезорганизовано и хаотично, или когда он расколот противоборствующими партиями.

Путь к устойчивой аналитической идентичности никогда не бывает гладким. Обычно он идет через попытки и неудачи, разочарования, удары по собственному нарциссизму, неожиданности и травмы. Необходимо привыкнуть к этому одинокому виду работы. Кеннеди цитирует Франсуазу Дольго: «Каждый одинок, но психоаналитик одинок еще в большей степени, и нет никого, к кому бы он мог обратиться, потому что больше нет никого, кто может чувствовать то, чему подвергает его анализант, даже, если это можно понять» [Dolto, 1994, p. 151].

Психоаналитик может найти поддержку в супервизии, продолжить или на некоторое время возобновить завершенный ранее собственный анализ, начать писать, используя этот процесс в качестве способа справиться со смятением, которое вызывает клиническая работа. Однако, в конечном итоге он остается один на один с пациентом за пациентами в уединении консультативного кабинета. Как замечает Кеннеди, в силу необходимости сохранять конфиденциальность аналитики не могут говорить о том, что происходит в процессе анализа даже со своими супругами или партнерами, разве что в редких исключениях, да и то в самом общем виде.

Кроме того, очевидно, что аналитик испытывает глубокую потребность в пациенте, поскольку именно он помогает аналитику кристаллизовать свои мысли и реализовать свою собственную креативность. Кеннеди замечает, что аналитик нуждается в пациенте и на более приватном уровне. Он пишет: «Я думаю, что использование того, что я называл нашей приватной областью страдания, является витальным и терапевтическим элементом в аналитических отношениях. Это то, что с неизбежностью опускается в описаниях анализа. Я считаю, что мы нуждаемся в том, чтобы быть в контакте с нашим страданием с особой областью нашего субъективного опыта, и не пытаться уходить от него при помощи

объяснений на нашем аналитическом жаргоне» [Kennedy, 2011, p. 6]. Нередко пациенты прикасаются к этой приватной области и используют это в своих целях. Например, чтобы избежать конфликта, вовлечь аналитика «в сговор» или просто чтобы разделить страдание. Для Кеннеди «наше приватное и одинокое страдание» является не только неудобством — чем-то, с чем мы хотели справиться при помощи личного анализа, но также неизбежной частью аналитической работы, которая при разумном подходе может стать источником креативности. Он пишет: «Я думаю, мы должны прислушиваться к сознательной и бессознательной оценке пациентом области нашей приватной боли и страдания. Они могут не знать, на что они реагируют, и мы не должны говорить им об этом прямо; но можно надеяться, что мы узнаем об этом, конечно, если не пытаемся сохранить богоподобную позицию. Наши пациенты отражают нам обратно наше собственное страдание; они могут даже желать защитить нас от нас самих, что является особенно соблазнительным и опасным для анализа» [p. 6].

Вслед за Клаубером [Klauber, 1976], Кеннеди пытается исследовать, как в долговременной перспективе аналитики справляются с влиянием, которое оказывает на них формирование следующих одних за другими отношений. Отношений глубочайших и по своему характеру наиболее интимных. Он также пытается исследовать, как влияет на аналитиков горевание, которое на том или ином уровне возникает перед или после окончания каждых аналитических отношений. Новоиспеченные аналитики, только что прошедшие квалификацию, переживают потерю объекта сразу на нескольких фронтах, поскольку они теряют поддержку, которую получали в тренинге — в супервизии, в личном анализе и на семинарах. Это может быть весьма травматичным. Особенно, учитывая время, которое потребуется на то, чтобы их аналитическая роль интегрировалась в устойчивое чувство собственной аналитической идентичности.

Различные этапы в жизненном цикле психоаналитика предполагают различные виды вызовов. Чувства освобождения и возбуждения сразу после успешной квалификации смягчают напряжение и трудности ранних этапов выстраивания своей аналитической практики. Как показывает Кеннеди, период между квалификацией и постепенным превращением в «опытного» аналитика может быть наиболее трудным, поскольку именно тогда реальность необходимости выдерживать долгие часы аналитического слушания в уединении консультативного кабинета становится особенно ощутимой. Ну а наиболее трудным из всех этапов становится прекращение аналитической практики в конце карьеры

аналитика, когда его настигает еще одна форма одиночества, связанная с потерей сеттинга и страхом потери профессиональной идентичности.

Идентичность аналитика, как определяет ее Кеннеди, прежде всего, подразумевает чувство прочности и устойчивости в своей идентификации с психоанализом, его теорией и практикой, растущее чувство доверия тому, что он делает, даже, когда он не вполне знает, что происходит на аналитическом сеансе. Она имеет отношение к нахождению собственного голоса в качестве психоаналитика, к способности развить определенное качества слушания — слушания, как бессознательных коммуникаций пациента, так и самого себя, во всей сложности их взаимодействия. Аналитическая идентичность предполагает ощущения себя «дома», как в своей профессиональной роли, так и в своем институте. Хотя для этого также необходимо умение периодически покидать чувство чрезмерного «срачивания» со своей позицией, поскольку чрезмерно комфортное чувство по поводу собственной позиции может мешать творческой работе. И, разумеется, это вовсе не редкость, когда наиболее оригинальные и креативные аналитики периодически чувствуют себя маргиналами в родном институте, поскольку нуждаются в том, чтобы не давать себя убаюкивать чрезмерному ощущению пребывания «дома». Однако, и у них есть необходимость в доме — пусть в тесном или фрустрирующем; в доме, от которого бы они также могли бы периодически дистанцироваться.

Кеннеди полагает, что ключевым элементом идентичности является внутреннее ощущение наличия безопасного дома, «психического дома» [Kennedy, 2010], который служит организующей психической структурой для чувства идентичности. На более глубоком уровне психический дом служит мостом, самым интимным образом связывающим психику и тело, благодаря чему «психика начинает обитать в коме» [Winnicott, 1949, p. 243].

Кеннеди пишет: «Существует также базовая физическая структура дома, предоставляющая защищенное пространство гостеприимного укрытия. Столь же велика и роль интерсубъективного символического пространства, которое предшествует появлению действительного дома и которое представляет собой сложную сеть отношений, а также место идентификации с членами семьи и постоянно протекающей повседневной домашней жизни. Таким образом, психический дом состоит из множества различных элементов, сфокусированных вокруг физического интерьера дома, но интернализированных в качестве психического интерьера. Мы носим наши психические дома с собой. Мы не можем раскрывать детали нашей частной жизни перед пациентами, но мы прино-

сим с собой наш психический дом на сеанс. Наш выбор дизайна интерьера консультативного кабинета, не говоря о книгах и предметах, может хорошо отражать природу нашего психического дома» [Kennedy, 2011, p. 8].

Существует связь между субъективностью аналитика и интерьером пространства, в котором он работает. И как показывает Кеннеди, живой психический дом может обеспечивать аналитика поддерживающим пространством, которое позволяет ему справляться с неизбежным одиночеством в его работе.

Виды одиночества и уединения

В своем докладе, привлекая лишь наиболее интересных ему мыслителей, писателей, философов и психоаналитиков, Кеннеди бегло, но очень живо описывает и дифференцирует различные варианты состояния одиночества. Вслед за Монтенем, Руссо, романтическими поэтами, теологом Паулем Тиллихом, писателями Джозефом Конрадом и Томасом Вулфом, а также психоаналитиками Дональдом Винникотом, Фридой Фромм-Райхман, Мелани Кляйн, Франсуазой Дольто и другими, он различает состояние боли вынужденного одиночества и радость творческого уединения.

Особенно интересно обращение Кеннеди к эссе Монтеня «Об уединении» (1580), в котором французский мыслитель описывает человека как стремящегося к общению с социумом, так и ищущего определенную свободу от этого общения. По Монтеню, хотя у человека должны быть жена, дети, имущество и здоровье, мы не должны привязывать себя ко всему выше меры, так чтобы от этого полностью зависело наше счастье. Цитируя Монтеня, Кеннеди пишет: «мы должны «приберечь для себя какой-нибудь дальний уголок («a back shor» — уединенная или расположенная в глубине помещения или сзади рабочая комната), который был бы целиком наш, всегда к нашим услугам, где мы располагались бы с полной свободой, где было бы главное наше прибежище, где мы могли бы уединиться»¹. Таким образом, уединение может быть источником силы, если мы знаем, как им распорядиться. Кеннеди отмечает, что хотя существует опасность заточения себя в башне из слоновой кости, без наличия безопасного места, где можно было бы укрыться, мы слишком зависимы от других. И консультативный кабинет аналитика представляет

¹ В переводе этой цитаты из Кеннеди использован также перевод эссе Монтеня «Об уединении» с французского, выполненный А. Бобовичем, в издании М.Э. Монтен.б Опыт. М.: «Правда», 1991, с. 180.

собой своеобразное смешение и объединение «задней» и «передней» рабочих комнат. Он представляет собой укрытие от социального мира, как для пациента, так и для аналитика. И в тоже время он является площадкой для проработки вопросов, связанных с зависимостью.

В отношении переживания психоаналитиком одиночества в контакте с пациентом, Кеннеди, вслед за Сандрой Бюхлер [Buechler, 1998], выделяет следующие факторы, которые влияют на это состояние: 1) одиночество пациента и доступный потенциал для сотрудничества, 2) диагностический тип, к которому может быть отнесен пациент, 3) позиция аналитика по отношению к контрпереносу, 4) другие эмоции, которые пациент вызывает в аналитике.

Таким образом, одиночество, в зависимости от особенностей пациента, проникает в консультативный кабинет различными способами, нередко ставя перед аналитиком сложные личные и человеческие дилеммы. Это делает необходимым для аналитика установить в консультативном кабинете контакт со своим собственным «внутренним хором» идентификаций, чтобы справиться с этими вызовами, принять во внимание «многоголосие психоанализа», подразумевающее многообразие ролей и подходов, которые аналитик может применить, придерживаясь при этом наиболее узловых принципов психоанализа в целом.

Клиническая иллюстрация

В завершение доклада в качестве иллюстрации некоторых связанных с одиночеством психоаналитика дилемм, Роджер Кеннеди, приводит небольшую клиническую виньетку, описывающую его продолжающийся анализ с тридцатилетней женщиной. Пациентка обратилась к анализу в связи с острым и глубоким чувством изолированности в жизни, отрезанности от других, хотя у нее и была собственная семья. Она не помнила ничего из своей истории вплоть до 5-летнего возраста, когда ее родители расстались. Ее ранняя история все еще остается весьма туманной. Мать оставила отца, забрав с собой ее и ее младших сиблингов. Когда, уже будучи в анализе, пациентка поинтересовалась у матери, почему она покинула отца, та с неохотой сообщила, что ушла из-за «душевной жестокости». Однако пациентке не показалось это особенно убедительным. Потом началась жизнь с блужданием по кругу, пока в 7-летнем возрасте она не оказалась в школе-интернате. Она чувствовала себя аутсайдером и маргиналом в школьной группе, и была очень одинока. Часто она гуляла вокруг школы одна. Этот период экстремального одиночества, который она отчетливо помнила, похоже, покрывал еще более ранние и гораздо более болезненные переживания потери.

То, что она еще помнила — это потеря плюшевого мишки, вскоре после того, как мать ушла от отца. В качестве компенсации ее привели в большой универмаг, где она выбрала 4 заводных игрушки животных, которых она взяла с собой в интернат, хотя игрушка-отец всегда была не совсем в порядке.

В анализе пациентка — совсем неактивна со своими ассоциациями, и на сеансах почти как в постановках Гарольда Пинтера, очень много продолжительных пауз. Она произносит всего несколько фраз и ждет, чтобы ее аналитик сказал что-нибудь в ответ. В зависимости от того, есть ли ему что сказать, Роджер Кеннеди отвечает или не отвечает ей. Она может ждать его слов очень подолгу, и он понимает, что в эти моменты она становится все более и более отстраненной и скрытой в своем собственном мире. В результате аналитик оказывается перед дилеммой — позволять ли молчанию продолжаться слишком долго. С одной стороны, это может становиться контр-продуктивным, и пациентка впадает в крайнее чувство одиночества. С другой стороны, аналитик не хочет вторгаться или поддаваться контролю и давлению со стороны пациентки, вовлекаясь во взаимодействие таким образом, как будто он является единственным носителем жизни. Таким образом, перед ним постоянно встает вопрос выбора времени, когда он должен что-то сказать. К тому же в такие моменты очень часто он сам ощущает себя брошенным и беспомощным. Одиночество пациентки проникает в него, и он испытывает смешанные чувства сочувствия к ее положению и раздражения по поводу ее пассивности. Периодически это ведет к ощущению оторванности и утрате доверия аналитическому процессу.

В определенные моменты атмосфера на сеансах кажется особенно отстраненной, уплощенной и даже мертвой. Вопрос об омертвелости или живости часто поднимается в анализе: до какого предела она может выносить живой контакт с аналитиком, в какой степени она нуждается в нем или избегает его.

На сеансах Роджер Кеннеди периодически чувствует фрустрацию, контроль со стороны пациентки и раздражение по поводу ее молчания и удержания собственных мыслей и переживаний. Но он также хорошо осознает ее депривацию, чувство пустоты, с которым она борется и должна была бороться с раннего детства. Пациентка разрывалась в дилемме, типичной для переживших похожую ситуацию в детстве — между стремлением оставленного ребенка к любви и неспособностью установить такой живой контакт, который мог бы ее удовлетворить.

То, что приводит к небольшому сдвигу — это попытка аналитика дифференцировать различные состояния одиночества, которые паци-

ентка испытывает на сеансах. Роджер Кеннеди старается фокусироваться на том, как в начале сеанса и в течение первых трех четвертей сеанса она чувствует присутствие и доступность аналитика, и как затем он как будто полностью пропадает. В ее воображении аналитик находится где-то еще, где-то в другом месте, особенно, когда он говорит не очень много. И тогда у нее может внезапно возникнуть чувство ужасного отчаяния и тщетности, которое может продолжаться до следующего сеанса. Периодически она пробуждается посреди ночи от пугающих сновидений или ночных кошмаров. Роджер Кеннеди описывает, как во время подобных периодов на сеансе он бывает сбит с толку. Он чувствует, что делает свою работу достаточно хорошо, и вдруг его начинают охватывать сомнения в самом себе. Он чувствует себя одиноким в присутствии другого человека, но не в здоровом винникоттском смысле. Использование аналитиком этого контртрансферного переживания действительно помогло сдвинуться с места. Оно позволило обозначить внезапную утрату уверенности в своем присутствии на анализе как повторение ранней катастрофической потери, пережитой пациенткой. Это позволило приблизиться в анализе к непереносимой до этого ранней депрессии, когда она вдруг потеряла ощущение безопасности своего дома и когда мягкий плюшевый мишка был заменен заводными игрушками.

Одиночество психоаналитика. Обсуждение

Глубокие размышления и вопросы, которые поднимает Роджер Кеннеди в своем докладе «Одиночество психоаналитика», представляют ценный вклад в понимание всей сложности и важности вопроса вхождения или освоения психоаналитиком «психоаналитического образа жизни». Они помогают нам расширить наши представления о внутреннем функционировании аналитика и его внутренних состояниях, когда он оказывается в консультативном кабинете *tete-a-tete* со своим пациентом. В фокусе внимания Кеннеди — различные аспекты переживания психоаналитиком чувства одиночества. Это состояние может быть понято как естественный и неизбежный аккомпанемент психоаналитического сеттинга, как специфические моменты или периоды отчаяния и одиночества, которые необходимо признать и контейнировать, особенно в работе с тяжелыми пациентами, и как важная черта формирования идентичности психоаналитика. Его также можно понять и как результат вызовов и напряжений, с которыми аналитику приходится иметь дело на последующих, особенно поздних, этапах его профессионального жизненного цикла.

В отношении этого последнего аспекта состояния одиночества психоаналитика хочу напомнить, что одна из важнейших работ «Об одно-

честве» (1959) Фриды Фромм-Райхманн была написана ею в конце ее жизни, когда она уже была в преклонном возрасте. В действительности это — ее последняя работа. Удивительно, но это касается и последней работы Мелани Кляйн, которая называлась «О чувстве одиночества» (1963) и была опубликована уже после ее смерти. Хотя в этой работе Кляйн не обращается прямо к одиночеству психоаналитика, тем не менее, она рассматривает это состояние как важный и неизбежный элемент человеческой жизни, как в норме, так и в патологии. Она также признает необходимость принятия чувства собственного одиночества, шаг, который сам по себе может представлять определенное достижение в развитии человека. В то же время известно, что в этой фазе своей жизни, несмотря на обилие друзей и последователей и очень насыщенную профессиональную жизнь, Кляйн испытывала одиночество и нередко депрессию [Segal, 2001]. Как отмечают авторы пояснительных комментариев к статье Кляйн «О чувстве одиночества»: «в общей атмосфере работы, хотя об этом нигде не говорится прямо, ощущается предчувствие приближающейся смерти» [O'Shaughnessy, 1975]. Кажется весьма убедительным, что эти две канонические работы по одиночеству, не только их содержание, но и сама атмосфера, в значительной степени мотивированы специфическими вызовами и трудностями, с которыми эти два выдающихся психоаналитика, хотя каждая из них по-своему, встретились в конце своей аналитической карьеры и жизни.

К этой, возможно, наиболее впечатляющей и трудной фазе жизненного цикла психоаналитика, Кеннеди добавляет другие критически важные вызовы и периоды, которые с неизбежностью сопровождаются чувством потери, неопределенности и одиночества. Например, период, который наступает вскоре после квалификации и в начале строительства собственной практики. Или, когда аналитик оказывается в промежуточном периоде на пути к этапу, который мы называем «опытный психоаналитик», или, когда он, как кажется, уже стал «опытным аналитиком».

В действительности, как это было показано Бионом (1963), даже самые обычные черты психоанализа и аспекты функционирования аналитика на сеансе, включая отход от общепринятых в тривиальных социальных ситуациях правил встречи между двумя людьми, установление и поддержание сеттинга (внешнего и внутреннего), наблюдение за атмосферой на сеансе и постоянное принятие решения о том, делать или не делать в данный момент интерпретацию — все эти и многие другие элементы повседневной аналитической практики предполагают определенную степень необходимого отрешения и одиночества.

Размышления над работой Роджера Кеннеди позволяют мне высказать идею, что одиночество аналитика можно понимать как комбинированное состояние и динамическое взаимодействие следующих компонентов: а) особого состояния «отрешенности» в психоаналитическом сеттинге, которое, как это сформулировал Бион, может быть достигнуто только болезненным переживанием аналитиком и пациентом определенного, нередко болезненного чувства одиночества; состояния, которое, тем не менее, является условием, без которого психоанализ невозможен; б) опыта и психических состояний, спроецированных пациентом на аналитика или индуцированных в аналитике как в исключенном наблюдателе; в) неразрешенных трудностей самого аналитика, которые я мог бы обозначить как его меланхолическую позицию. Под меланхолической позицией аналитика я имею в виду более или менее бессознательные, непроработанные в прошлом анализе или в самоанализе, катастрофические или депрессивные переживания, которые не достигают уровня интеграции зрелой депрессивной позиции, описанной Мелани Кляйн и ее последователями.

В зависимости от конфигурации перечисленных компонентов в той или иной фазе анализа или в жизни аналитика и пациента чувство одиночества может приходить и уходить, выступать на авансцену и сливаться с фоном, прятаться в кулисах или заполнять все аналитическое пространство.

Среди многих вопросов, которые поднимает Кеннеди, хочу особенно выделить предложенное им понятие «психического дома» аналитика, представляющее собой внутреннюю арену, внутреннее пространство и организующую структуру, бережно охватывающую и поддерживающую идентичность аналитика. На мой взгляд, идея психического дома аналитика тесно связана, хотя и не идентична полностью, с понятием внутреннего сеттинга аналитика [O'Shaughnessy, 1990, Parsons, 2007]. Значение сеттинга в психоанализе действительно огромно. Он обрамляет и охраняет уникальную внутреннюю реальность аналитического поля. Внешнее устройство сеттинга хорошо знакомо: тихий и относительно нейтральный кабинет, кушетка, кресло, четко определенная частота сеансов (обычно 4 или 5 в неделю), установленное время начала, окончания и продолжительности сессий (в разных форматах от 45 до 50 минут); размер и правила оплаты; расписание праздников и отпусков. Аналитический сеттинг существует не только внешне, но и внутренне. Пациент может найти в нем отражение пространственно-временной рамки психики аналитика и его внутренней позиции на сеансе. Последняя воплощается в пунктуальности психоаналитика, его надеж-

ности, стабильности, открытости к коммуникациям пациента, «отыгрываниям» пациента вне и внутри анализа, а также в отказе от собственных отыгрываний по отношению к пациенту. Описывая понятие внутреннего сеттинга, Майкл Парсонс отмечает: «подобно тому как внешний сеттинг определяет и защищает пространственно-временную арену, на которой пациент и аналитик могут проделявать аналитическую работу, точно также и внутренний сеттинг определяет и защищает то поле сознания аналитика, в пределах которого все, что ни происходило бы [в анализе], может быть осмыслено с психоаналитической точки зрения» [Parsons, 2007, p. 1444].

Я думаю, мы можем рассматривать понятия «психического дома» и «внутреннего сеттинга» психоаналитика в качестве метафор внутреннего пространства или внутренних пространств, которые Кеннеди вслед за Монтенем обозначает как «переднюю» и «заднюю» рабочие комнаты сознания (точнее психики) аналитика. Как известно, для наблюдения над собой и исследования своих собственных мыслей Монтень считал необходимым найти для себя особое пространство — место, которое было бы свободным от присутствия других людей. Для этого великий французский мыслитель эпохи возрождения нашел архитектурное решение. Он оборудовал для себя уединенный кабинет в отдельной башне, которая хотя и примыкала к шато, где он жил со своей женой, тем не менее, была обособлена и имела отдельный вход.

В статье «Конструкции в психоанализе» Фрейд подчеркивает, что работа психоанализа выполняется в двух отдельных «локальностях» — в локальности аналитика и в локальности пациента [Freud, 1937]. Независимо от того, насколько обособленными друг от друга могут быть эти локальности, я убежден, что в каждом анализе они переплетаются и образуют очень динамичную и уникальную внутреннюю структуру объединенного (или разделяемого) аналитического пространства с его различными «передними», «задними», ближними, дальними, а также другими «комнатами», которые принадлежат той или другой стороне аналитической пары или же им обоим.

В зависимости от специфической ситуации в анализе некоторые комнаты этого разделяемого ими аналитического пространства могут переживаться одним или другим участником, как смежные или отгороженные, открытые или недоступные, густонаселенные или пустые, общие или приватные. Эти размышления подводят нас вплотную к проблеме разделения или точнее проблеме совместного пребывания внутри аналитического или психического пространства, типичной для группы пациентов, которые описывались в психоаналитической литературе

под различными рубриками. Например, они были описаны, как «труднодоступные пациенты» [Joseph, 1989], «упорно молчащие пациенты» [Coltart, 1986], «нарциссически отстраненные пациенты» [Britton, 2003], «пациенты, заполняющие аналитическое пространство пустотой» [Perelberg, 2003] или «пациенты, развивающие в переносе состояние отсутствия переноса» [Sodre, 2010].

В анализе с некоторыми пациентами аналитик может чувствовать, что его психический дом или все аналитическое пространство оккупированы пациентом. Не осталось никакого места для отдельной и независимой мысли или различающихся мнений. Вместо двух взаимосвязанных, но независимых психик или психических домов в аналитическом пространстве как будто находятся два человека с одной психикой на двоих. Чтобы распутать такую ситуацию, аналитик, сохраняя контакт с этим осязаемым потоком субъективного взаимодействия, должен обрести позицию рефлексивного уединения. Если воспользоваться метафорой Бриттона, то он должен обеспечить себя «ментальным эквивалентом монтеневского рабочего кабинета» [Britton, 2003, p. 176]. На мой взгляд, такой ментальный эквивалент знаменитого монтеневского кабинета во многих отношениях очень близок к предложенному Кеннеди понятию «психического дома» аналитика, а также к здоровым формам его внутреннего рефлексивного уединения.

В других ситуациях, как например, в случае, описанном Кеннеди, аналитик должен иметь дело с одиночеством иного рода. Бион писал о пациентах, у которых стремление избежать переживания контакта с живыми объектами приводит к тому, что в их личности практически не остается ни одного аспекта, который не напоминал бы механическое устройство или автомат [Bion, 1962].

С такими пациентами аналитик тоже оказывается в пустынном и заброшенном ментальном ландшафте, где его собственное функционирование во многом редуцировано до механического функционирования автомата. Кеннеди очень ярко описывает, как аналитик, несмотря на то, что он делает свою работу достаточно хорошо и испытывает сочувствие к пациентке и ее ситуации, тем не менее, периодически оказывается «брошенным» и погруженным в чувство одиночества и беспомощности. Он также «брошен» испытывать состояние фрустрированности, контролируемости и раздраженности по поводу воздержания пациента от вербальной коммуникации. Я согласен с Кеннеди в том, насколько это важно, чтобы аналитик был способен установить контакт с ранними катастрофическими потерями в жизни пациента и в то же время постоянно прорабатывал собственный контрперенос, связывая вместе фраг-

менты и контейнируя катастрофические чувства пациента и их оживление в «здесь и теперь» текущего анализа. Особенно, в те моменты сеанса, когда пациентка теряет уверенность в присутствии аналитика. Однако, на мой взгляд, мы можем понять заводные игрушки в клиническом материале как ёмкую метафору не только пережитых пациенткой ранних катастрофических потерь или автоматоподобного характера ее внутренних объектов, но и как то, каким образом она обращается с собой и со своими объектами. Заводные игрушки представляют также красноречивую эмблему того, каким образом пациентка организует свои отношения с психоаналитиком, где они оба — и пациентка и аналитик поставлены в положение заводных игрушек с сокращенным до минимума живым контактом. В этом мире аналитик обречен чувствовать себя «оторванным» и «потерявшим доверие к аналитическому процессу» и, подобно одной из игрушек, всегда оказывается «не совсем в порядке».

Кеннеди очень живо описывает то место, в которое помещен аналитик в анализе, и как пациентка становится все более и более отстраненной и «скрытой в своем собственном мире». Размышление над этим устойчивым уходом пациентки от прямой вербальной коммуникации, ее отстранением и сокрытием в собственном мире поднимает ряд следующих вопросов. Можно ли предположить, что в те моменты анализа, когда пациентка «скрывается в своем собственном мире», в отличие от аналитика, она не просто одна, а как в коконе укрыта в другом, полностью отщепленном пространстве-времени? Не несет ли в себе это погружение пациентки в свой собственный мир атмосферу своеобразной тайной аддикции с мощным, но скрытым погружением в отношения с невидимым «другим» объектом? И если такое предположение допустимо, обладают ли эта тайная вовлеченность чертами описанной Бетти Джозеф «аддикции близости к смерти» [Joseph, 1989] или «аддикции близости к жизни», описанной Иннес Содре [Sodre, 2010]? Я имею в виду такие состояния внутри психики пациентки, а также в ее анализе, которые призваны защитить ее от эмоционального шторма. Эмоционального шторма, вызванного более непосредственной и живой встречей с аналитиком. Встречей, которая может вызвать ощущение мощного психического столкновения с активизацией целого спектра различных переживаний, включая оживление глубинной и сильнейшей тревоги преследования.

Как это было описано Бетти Джозеф и Инес Содре, такие состояния и лежащие в их основе фантазии обладают аддиктивным, циркулярным и повторяющимся (как у заводных игрушек) качеством и почти лишены какого-либо специфического содержания. И хотя в той или иной степе-

ни они доступны сознанию, тем не менее, если аналитик не обратит на них внимания, они не попадут в зону видимости. Тем не менее, погружение пациентов в эти состояния ведет к тому, что реальный объект и реальная жизнь оказываются обкраденными в своей живости и становятся механическими и безжизненными.

Пациентка ужасно страдает и нуждается в помощи. При этом своим молчанием и отстраненностью, паузами, как в постановках Гарольда Пинтера, самым способом, которым она коммуницирует и оказывает давление на аналитика, она удерживает его на огромной дистанции, «где-то в другом месте». Как будто таким образом аналитик лишается своей эмоциональной значимости и превращается ею в исключенного из действия наблюдателя [Steiner, 2008]. Означает ли это, что нужда пациентки в помощи и ее активный поиск оказываются отщепленными и спроецированными в аналитика, который, отчаянно стараясь пробиться через трудности, подвергается все большей фрустрации? В то время как пациентка становится все более пассивной, молчаливой, отчужденной и погруженной в свой собственный мир. Следующий вопрос, который возникает в этой связи, — не может ли сама эта ситуация в анализе стимулировать в пациентке еще более глубокую и интенсивную тревогу? Похоже, именно это происходит во время последней четверти сеанса, когда она переживает аналитика как исчезнувшего из анализа. Вслед за этим переживанием появляются пугающие сны, ночные кошмары и пробуждение. Я думаю, мы можем рассмотреть эту последовательность переживаний и событий по крайней мере в двух планах. Во-первых, как активизацию в анализе ранних переживаний катастрофической потери, особенно в свете приближения окончания аналитического сеанса и надвигающейся сепарационной тревоги. Этот аспект Кеннеди исследует особенно детально. Однако, мы можем рассмотреть эти переживания и состояния и как бессознательную коммуникацию пациенткой ее тревоги по поводу того отчаяния, фрустрации и чувства изоляции, которые она индуцирует в аналитике. Мы также можем понять это как коммуникацию пациенткой страха, что аналитик, в силу индуцированных в нем чувств — непереносимого одиночества, отчаяния и раздражения или в силу защитного отреагирования своего нетерпения в форме аналитического рвения — может попытаться насильственно вторгнуться в ее внутренний мир и попытаться утвердить свою трансферетную и личную значимость.

Кеннеди хорошо осознает риски такого рода. А его работа и данное обсуждение позволяют кроме общих проблем, связанных с темой одиночество психоаналитика, затронутых выше, яснее представить ряд

связанных с ней узловых клинических проблем. Благодаря этому мы можем гораздо яснее понять, насколько важно, чтобы аналитик, когда он сталкивается с этими чувствами в аналитическом кабинете, был способен распознать сложившуюся ситуацию. И чтобы, распознав ее, он мог начать прорабатывать болезненное чувство собственной исключенности, изолированности и одиночества. На мой взгляд, это состояние аналитика, как правило, представляет собой смесь тех состояний, которые были спроецированы в него пациентом, а также его собственного — большей частью бессознательного чувства утраты, вызванного «отказом», скрывающегося в своем собственном мире, «забаррикадированного» и труднодоступного пациента предоставить или сохранять за ним в переносе статус объекта первичной значимости.

Наконец, мы также можем лучше понять, насколько важно, чтобы прорабатывая эти чувства в своем контрпереносе, аналитик мог не только во внутреннем диалоге с собой, но и в интерпретациях, которые он предлагает пациенту, начать шаг за шагом исследовать связь катастрофических переживаний потери в ранней истории пациента и в его текущей в жизни — с тем, как эти состояния проявляются на аналитическом сеансе и разыгрываются в «здесь и теперь» аналитических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- Кинодо Ж.М.* Приручение одиночества. Сепарационная тревога в психоанализе. «Когито-Центр», 2008.
- Монтень М.Э.* «Об уединении» // М.Э. Монтень. Опыты. М.: «Правда», 1991, с.176—188.
- Bion W.R.* (1963). Elements of Psycho-Analysis. London: Heinemann.
- Bion W.R.* (1962). Learning from Experience. London: Tavistock.
- Britton R.* (2003) Sex, Death and Superego. Experiences in Psychoanalysis. London, New York: Karnac.
- Buechler S.* (1998). The analyst's experience of loneliness. Contemporary Psychoanalysis. 34:91—113.
- Dolto F.* (1994) Solitude, Paris: Gallimard.
- Coltart N.* (1988) «Slouching towards Bethlehem»... or thinking the unthinkable in psychoanalysis. The British School of Psychoanalysis. The Independent Tradition. Ed. G. Kohon. Free Assoc. Book. London.
- Freud S.* (1937) Constructions in Analysis. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XXIII (1937—1939), 255—270
- Fromm-Reichmann F.* (1990), Loneliness. Contemporary Psychoanalysis, 26: 305—29.
- Joseph B* (1989). Psychic equilibrium and psychic change. Selected papers of Betty Joseph, Feldman M, Bott Spillius E, editors. London: Routledge. (New Library of Psychoanalysis, Vol. 9.) 240 p.

- Fromm-Reichmann F.* (1990), Loneliness. *Contemporary Psychoanalysis*, 26:305—29.
- Klauber J.* (1976), Elements of the psychoanalytical relationship, in *Difficulties in the Analytic Encounter*, pp.45—62. New York and London: Jason Aronson.
- Kennedy R.* (1998) *The Elusive Human Subject*. London and New York: Free Association Books.
- Kennedy R.* (2007) *The Many Voices of Psychoanalysis*. London and New York: Routledge, New Library of Psychoanalysis.
- Kennedy R.* (2010) Having a psychic home: aspects of identity. *Bulletin British Psychoanalytical Society*, 46: no 3, 1—15.
- Kennedy R.* (2011) «The Loneliness of the Psychoanalyst». Paper given at the main Conference of the European Psychoanalytic Federation in Copenhagen, March 2011.
- Klein M.* (1963), On the sense of loneliness in Envy and Gratitude and Other Works, pp. 300—13. London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis.
- O'Shaughnessy E* (1975) On the Sense of Loneliness. Explanatory Notes. In *Envy and Gratitude and Other Works*, pp. 335—336. London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis.
- O'Shaughnessy E* (1990). Can a liar be psychoanalysed? *Int J Psychoanal* 71:187—95.
- Parsons M.* (2007) Raiding the Inarticulate: The Internal Analytic Setting and Listening Beyond Countertransference *Int. J. Psycho-Anal.*, 88:1441—1456.
- Perelberg R.J.* (2003) Full and empty spaces in the psychoanalytic process. *Int.J.Psycho-Anal.*, 84:579—592.
- Segal H.* (2001) *Memories of Melanie Klein*. Interview with Hanna Segal. The Melanie Klein Trust. www.melanie-klein-trust.org.uk
- Sodre I.* (2010) *Addiction to near life*. Unpublished paper.
- Steiner J.* (2008). Transference to the Analyst as an Excluded Observer. *Int. J. Psycho-Anal.*, 89:39—54.
- Winnicott D.* (1949), Mind and its relation to the Psyche-Soma in *Through Paediatrics to Psychoanalysis: Collected papers*, pp.243—54. London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis, 1975.
- Winnicott D.* (1958), The capacity to be alone. *International J. Psychoanal.* 39:416—20.

THE LONELINESS PSYCHOANALYST

I.M. KADYROV

This paper addresses the subject of loneliness of the psychoanalyst as well as connected with this state feelings and anxieties which the psychoanalyst faces in his professional life circle, especially when working with patients who are difficult to reach, who experienced in their early history acute and often catastrophic losses. This paper is structured around description and discussion of the paper a British psychoanalyst Roger Kennedy and paper by Igor M. Kadyrov, which were present-

ed at the conference of the European Psychoanalytic Federation "Anxiety and the method of psychoanalysis" in Copenhagen (April 2011). Apart from the main theme — different types of loneliness and solitude and their consequences for professional identity, the paper discusses such concepts as identity and "psychic home" of the psychoanalyst and investigates their relations with concepts of "psychic space", "internal setting" and psychic process.

Keywords: loneliness, solitude, loneliness of the analyst, early catastrophic loss, identity of the analyst, psychic home, setting, internal setting, psychic space, psychoanalytic process.

Kinodo Zh.M. Priruchenie odinochestva. Separacionnaja trevoga v psihoanalize. "Kogito-Centr", 2008.

Monten' M.Je. "Ob uedinenii" // M.Je. Monten'. Opyty. M.: "Pravda", 1991, c. 176—188.

Bion W.R. (1963). Elements of Psycho-Analysis. London: Heinemann.

Bion W.R. (1962). Learning from Experience. London: Tavistock.

Britton R. (2003) Sex, Death and Superego. Experiences in Psychoanalysis. London, New York: Karnac.

Buechler S. (1998), The analyst's experience of loneliness. Contemporary Psychoanalysis. 34:91—113.

Dolto F. (1994) Solitude, Paris: Gallimard.

Coltart N. (1988) "Slouching towards Bethlehem"... or thinking the unthinkable in psychoanalysis. The British School of Psychoanalysis. The Independent Tradition. Ed. G. Kohon. Free Assoc. Book. London.

Freud S. (1937) Constructions in Analysis. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XXIII (1937—1939), 255—270

Fromm-Reichmann F. (1990), Loneliness. Contemporary Psychoanalysis, 26:305—29.

Joseph B. (1989). Psychic equilibrium and psychic change. Selected papers of Betty Joseph, Feldman M, Bott Spillius E, editors. London: Routledge. (New Library of Psychoanalysis, Vol. 9.) 240 p.

Fromm-Reichmann F. (1990), Loneliness. Contemporary Psychoanalysis, 26:305—29.

Klauber J. (1976), Elements of the psychoanalytical relationship, in Difficulties in the Analytic Encounter, pp. 45—62. New York and London: Jason Aronson.

Kennedy R. (1998) The Elusive Human Subject. London and New York: Free Association Books.

Kennedy R. (2007) The Many Voices of Psychoanalysis. London and New York: Routledge, New Library of Psychoanalysis.

Kennedy R. (2010) Having a psychic home: aspects of identity. Bulletin British Psychoanalytical Society, 46: no 3, 1—15.

Kennedy R. (2011) "The Loneliness of the Psychoanalyst". Paper given at the main Conference of the European Psychoanalytic Federation in Copenhagen, March 2011.

Klein M. (1963), On the sense of loneliness in Envy and Gratitude and Other Works, pp. 300—13. London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis.

- O'Shaughnessy E* (1975) On the Sense of Loneliness. Explanatory Notes. In *Envy and Gratitude and Other Works*, pp. 335—336. London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis.
- O'Shaughnessy E* (1990). Can a liar be psychoanalysed? *Int J Psychoanal* 71:187—95.
- Parsons M.* (2007) Raiding the Inarticulate: The Internal Analytic Setting and Listening Beyond Countertransference *Int. J. Psycho-Anal.*, 88:1441—1456.
- Perelberg R.J.* (2003) Full and empty spaces in the psychoanalytic process. *Int.J.Psycho-Anal.*, 84:579—592.
- Segal H.* (2001) Memories of Melanie Klein. Interview with Hanna Segal. The Melanie Klein Trust. www.melanie-klein-trust.org.uk
- Sodre I.* (2010) Addiction to near life. Unpublished paper.
- Steiner J.* (2008). Transference to the Analyst as an Excluded Observer. *Int. J. Psycho-Anal.*, 89:39—54.
- Winnicott D.* (1949), Mind and its relation to the Psyche-Soma in Through Paediatrics to Psychoanalysis: Collected papers, pp.243—54. London: Hogarth Press and Institute of Psychoanalysis, 1975.
- Winnicott D.* (1958), The capacity to be alone. *International J. Psychoanal.* 39:416—20.